

Неканоническое маркирование субъекта ситуации в языках Северного Кавказа: модальные конструкции¹

1. Неканоническое маркирование субъекта ситуации

Под неканоническим маркированием субъекта ниже подразумевается кодирование субъекта ситуации, отличное от прототипического. Это явление привлекло в последнее время значительное внимание типологов и исследователей конкретных языков (см. прежде всего сборники Aikhenvald et al. (eds) 2001; Bhaskararao, Subbarao (eds) 2004; de Hoop, de Swart (eds) 2008) – хотя нельзя не отметить, что критерии, выбираемые авторами для отбора материала по данной теме, порою разнятся. В отличие других работ (см., например, Кибрик 2000; 2003: гл. 16), в настоящей статье «субъект ситуации» понимается семантически, а не грамматически и не отождествляется с подлежащим. Во многих случаях он может определяться как тот участник ситуации, который проявляет большее количество свойств «прото-агенса» по Dowty 1991²; это в особенности касается ситуаций, которые выражены предикациями, включающими несколько участников – для субъектов таких предикаций мы иногда используем понятие «агенса». Кроме того, как правило, субъект ситуации является тем участником, чье выражение (при имеющемся лексическом представлении ситуации) по умолчанию оказывается топиком высказывания.

Термины «субъект ситуации» и «агенса» также употребляются нами в отношении выражения соответствующего участника – независимо от того, идет ли речь о выражении отдельной именной группой или аффиксом. Следует особо подчеркнуть, что в нашем понимании неканоническое маркирование не ограничивается падежным оформлением; речь идет вообще о присвоении выражению некоторого участника той или иной грамматической роли. Помимо категории падежа, с той же целью могут использоваться аналитические средства – предлоги и послелоги, а также показатели в предикате, которые выражают основную информацию об участнике (лицо, число, класс и/или род).

Несколько упрощая, можно сказать, что в аккумулятивной системе прототипически субъект действия маркируется как номинативный и любое другое маркирование является неканоническим:

Русский язык

(1) **Мне** холодно

(2) Ее во время грозы ударило **молнией**

В эргативной системе прототипическим маркированием субъекта ситуации являются эргатив при предикате с двумя и более актантами (= поливалентном предикате) и абсолют³ при предикате с одним актантом (= одновалентном предикате). В качестве непрото-

¹ Статья основана на докладе на конференции «Эргатив и эргативная конструкция в языках мира» (Тбилиси, май 2009 г.). Авторы признательны участникам конференции, а также А.В. Архипову, М.А. Даниэлю, С.С. Саю, Я.Г. Тестельцу, М.Х. Шахбиевой за обсуждение и консультации по поводу отдельных примеров. Примеры без указания источника взяты из полевых материалов авторов. Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 09-04-00168а, 09-04-00366а, 07-04-00266а.

² В число этих свойств входят намеренность участия, осознанность/восприятие, каузация ситуации или состояния другого участника, движение (относительно места других участников), независимое от ситуации существование.

³ В кавказоведческой традиции падеж, выражающий непереходное подлежащее и агенса при переходном предикате, нередко называется номинативом / именительным падежом. В западной литературе аналогичный падеж (независимо от наличия/отсутствия особого показателя) именуется абсолютным (см., например, Dixon 1979; Haspelmath 2008), а термин «номинатив» зарезервирован для аккумулятивных систем. Естественно,

типического маркирования субъекта в эргативной системе выступают любые падежи (и их аналоги), кроме абсолютива при одновалентном предикате и любые падежи кроме эргатива при прочих предикатах. Например, в эргативном багвалинском языке, как и во многих других нахско-дагестанских языках (см. специальные обзоры Comrie, van den Berg 2006; Ganenkov 2006), субъект ситуации при экспериенциальном глаголе обычно маркируется дативом или аффективом:⁴

Багвалинский язык (Даниэль 2001b: 372)
 (3) he-b-ō **du-ha** q'ōča-m-o ek'w'a?
 что-N-Q ты.O-DAT хотеть-N-CONV есть
 'Что ты хочешь есть?'

(4) **ʒali-ba** bac'a hã
 Али-AFF волк видеть
 'Али увидел волка'.

В соответствии с нашим пониманием неканонического маркирования субъекта, в эргативных системах неканоническим оказывается и абсолютное маркирование субъекта ситуации, описываемой поливалентным предикатом. Например, в эргативном **адыгейском** языке имеется значительное количество «многочисных непереходных глаголов» (см., в частности, Рогава, Керашева 1966: 96), в которых пациент выражается как не прямой объект, а агенс оформляется как абсолютный актант. Ср. следующую форму глагола 'ждать' (в адыгейском языке, как и в других абхазо-адыгских языках, грамматическая роль актанта маркируется морфологически в глаголе):

Адыгейский язык
 (5) **wə-qə-s-e-že**
 2SG.ABS-DIR-1SG.IO-OPV-ждать
 'Ты меня ждешь'.

В глаголе (5) субъект ситуации ('ты') индексируется абсолютным личным префиксом, занимающим первую позицию. Поскольку глагол 'ждать' двухвалентен, это кодирование является неканоническим.

Иногда неканоническое маркирование субъекта оказывается факультативным. Так, в ряде даргинских говоров субъект при глаголе 'видеть' может выступать как в дативе, так и в эргативе:

Даргинский говор села Танты
 (6) **dam** / **dali** hitala w-a^s če-w-až-ib-da
 я.DAT я.ERG тот.GEN М-лицо PRV-M-видеть-PRET-1
 'Я увидел его лицо'.

Такая свободная вариативность в оформлении субъекта – скорее исключение. Чаще есть основания считать, что неканоническое маркирование в той или иной степени семантически мотивировано. При поливалентных предикатах оно, как правило, свидетельствует об отклонении от прототипа переходности (см. о нем Hopper, Thompson 1980; Tsunoda

эти термины могут быть перенесены и на другие средства выражений грамматических ролей, помимо чисто падежных. Для нас противопоставление терминов «номинатив» и «абсолютив» существенно, поскольку только абсолютив, но не номинатив может использоваться в качестве неканонического оформления субъекта; см. ниже.

⁴Расшифровка условных обозначений, используемых в глоссах, прилагается в конце статьи. В примерах из литературы по большей части используется транскрипция источника; глоссы унифицированы минимально.

1985; Malchukov 2006; Næss 2007; ср. также Tsunoda 1981): так, в примерах (2)–(6) субъект не является полноправным активным агенсом, типичным для переходных предикаций. Сложнее обстоит дело с неканоническим маркированием при одновалентных предикатах, поскольку сам вопрос о возможности выделения прототипа непереходности остается спорным (Tsunoda 1999). Тем не менее предположительно и в этом случае субъект ситуации лишается каких-то свойств, необходимых для того, чтобы он мог выступать в качестве «полноправного субъекта».

Модальные конструкции, о которых пойдет речь ниже, безусловно, не представляют собой прототипические переходные предикации, поскольку субъект в них не контролирует ситуацию. В свете этого не удивительно, что эти конструкции в языках мира нередко демонстрируют неканоническое оформление субъекта (см., например, Blake 2001: 145ff). Ниже мы рассмотрим неканоническое маркирование субъекта в модальных конструкциях языков Северного Кавказа (нахско-дагестанских, абхазо-адыгских и осетинском, относящимся к иранской ветви индоевропейской семьи⁵), которые предоставляют обильный материал для исследования данного явления. В конце работы также выдвигается гипотеза о связи типа неканонического маркирования субъекта и эргативности/аккузативности.

В разделе 2 предлагается исчисление возможных типов неканонического маркирования субъекта, в результате которого выделяются лексический, деривационный и недеривационный типы. В разделах 3–5 на материале языков Северного Кавказа рассматривается то, как представлен каждый из указанных типов неканонического маркирования субъекта в модальных конструкциях. В последнем разделе подводятся итоги, обсуждаются гипотезы и вопросы, возникшие в результате исследования.

2. Типология неканонического маркирования субъекта ситуации

Мы будем исходить из типологии неканонического маркирования субъекта ситуации, основанной на двух параметрах: лексической vs. грамматической обусловленности и автономности vs. неавтономности.

Первый параметр – *лексическая vs. грамматическая обусловленность* – мотивирован тем, что неканоническое маркирование субъекта не обязательно привязано к конкретной лексеме, но может быть вызвано использованием некоей грамматической формы или конструкции. Неканоническое маркирование в примере (1) определяется конкретной лексемой (*холодно*) и является *лексически обусловленным*. Напротив, для неканонического маркирования в (2) не важно, какая лексема выбрана в качестве предиката (хотя класс глаголов, допускающих эту конструкцию, все же несколько ограничен); это *грамматически обусловленное* маркирование, подчеркивающее в первую очередь неагентивность субъекта⁶.

Второй параметр – *неавтономное vs. автономное неканоническое маркирование* – определяется наличием/отсутствием грамматического взаимодействия между предикатом и выражением субъекта ситуации. Неканоническое маркирование неавтономно, если оно возникает благодаря предикату, в противном случае неканоническое маркирование признается автономным. В (1) мы видим неавтономное маркирование, обязанное своим появлением классу предиката, а в (2) – автономное маркирование (нельзя сказать, что употребление творительного падежа в этом примере напрямую обусловлено спецификой лексемы *ударять* или ее конкретной грамматической формой *ударило*).

С учетом этих двух параметров можно выделить несколько типов неканонического маркирования; ср. прилагаемую таблицу.

⁵ При обсуждении осетинского языка ниже имеется в виду иронский осетинский, на котором основан и литературный осетинский язык.

⁶ Как можно заметить, термин «неканоническое маркирование» субъекта используется нами очень широко и по сути включает, например, грамматические пассивные и антипассивные конструкции, в которых агенс при поливалентных предикатах кодируется не номинативом и не эргативом, а косвенным падежом или абсолютным.

Тип неканонического маркирования	Лексическая обусловленность	Автономность
Лексический	+	–
*	+	+
Деривационный	–	–
Недеривационный	–	+

Поскольку автономное оформление не связано с предикатом, оно не бывает лексически обусловленным. Таким образом, всего возможно три типа неканонического маркирования – и все они встречаются в модальных конструкциях языков мира.

Лексический тип неканонического маркирования субъекта в модальных конструкциях наблюдается при употреблении модального предиката с нестандартным управлением; ср. (7), где появление субъекта в дательном падеже обусловлено предикатом *можно*:

Русский язык

(7) **Мне** можно возвращаться

Неканоническое маркирование субъекта в конструкциях с модальными глаголами – совсем не экзотика, и это хорошо отражено в типологической литературе. Так, предикат ‘мочь’ находится ближе к концу предложенной в Tsunoda 1981 универсальной иерархии глаголов, определяющей обязательность канонического маркирования актантов. Глаголы желания, необходимости, возможности, а также глаголы означающие попытку, успех, неудачу и глаголы с эвиденциальным значением также образуют отдельный класс в классификации предикатов, допускающих неканоническое маркирование субъекта, которая предложена в Onishi 2001.

Деривационный тип неканонического маркирования представлен в (8). В дравидийском языке малаялам имеются специальные формы потенциалиса (с показателем *-aam*), при которых субъект иногда выступает в дательном падеже; ср.:

Язык малаялам (Blake 2001: 147)

(8) **avalkku** avane itikkaam
она.DAT он.ACC ударить.POT
‘Она может ударить его’.

Возможность использования дательного падежа в (8) предопределена употреблением формы потенциалиса, но не привязана к конкретной лексеме; соответственно, особое кодирование субъекта здесь не является ни автономным, ни лексически обусловленным.

Недеривационный тип неканонического маркирования является, по-видимому, наиболее редким. Ниже приводятся примеры из австронезийского языка камбера, в котором ролевые отношения кодируются личными показателями при глаголе. В отдельных конструкциях один и тот же участник может выражаться одновременно двумя показателями, которые в других случаях естественно трактовать как номинативный и аккузативный (Klamer 2008); ср. (9) и (10):

Язык камбера (Klamer 2008: 291)

(9) **da-laku-ha** parama haromu
3PL.NOM-идти-3PL.ACC работать завтра
‘Они должны завтра идти работать’.

- (10) **da-laku** **parama** **haromu**
 3PL.NOM-идти работать завтра
 ‘Они идут завтра работать’.

Пример (10), в котором есть только номинативный показатель, семантически нейтрален. В (9) субъект кодируется одновременно двумя личными показателями, в результате чего предложение получает оттенок долженствования. Модальное значение в (9) возникает только благодаря особому кодированию грамматической роли субъекта.

Границы между типами неканонического маркирования не всегда определяются однозначно. Так, если рассматривать формы *могу* в предложении *Я могу вернуться и можно* в (7) в качестве представителей одной лексемы, неканоническое маркирование будет относиться уже к деривационному типу.⁷ Не всегда очевидна и граница между деривационным и недеривационным типами: хотя в упомянутом выше языке малайялам формы потенциалиса могут управлять субъектом в дательном падеже, как показывают следующие примеры, такое управление не обязательно:

- Язык малайялам (Butt et al. 2004)
 (11) **avan** **varaam**
 он.NOM приходит.ROT
 ‘Он, возможно, придет’.

- (12) **avane** **varaam**
 он.DAT приходит.ROT
 ‘Ему можно (т.е. разрешается) прийти’.

По крайней мере для некоторых глаголов в малайялам дательный падеж субъекта при форме потенциалиса используется только при выражении разрешения, а в других случаях употребляется номинатив. Если считать, что значение разрешения привносится исключительно нестандартной падежной формой, неканоническое маркирование в (12) придется отнести к недеривационному. В то же время субъект в дательном падеже ограничен сочетаниями с четко определенным классом глагольных форм, а значит, такое маркирование должно относиться к деривационному типу.

Далее мы рассмотрим три типа неканонического маркирования в языках Северного Кавказа.

3. Лексический тип

В пределах модальных конструкций лексический тип неканонического маркирования по определению требует самостоятельных модальных предикатов вроде ‘мочь’, ‘быть должным, необходимым’ и т.д. Интересно, впрочем, что во многих нахско-дагестанских языках (в частности, в ряде лезгинских языков; см. Ганенков 2005: 221; Ганенков и др. 2006; Ganenkov et al. 2008) нет специальных лексем для модальных значений вроде ‘мочь’. Тем не менее на Северном Кавказе лексический тип неканонического маркирования представлен достаточно широко.

В аккузативном осетинском языке, принадлежащем северовостоочноиранской подгруппе, при глаголе *æmbæln* в значении деонтической необходимости и деонтической возможности (‘следовать, надлежать’ (13), ‘можно’ (14)) субъект маркируется не номинативом, а дативом; смысловой глагол при этом находится в форме инфинитива⁸:

⁷ Интересно, что, в отличие от канонического маркирования, допустимого как при внешней, так и при внутренней возможности, неканоническое маркирование здесь ассоциируется в первую очередь с деонтической модальностью.

⁸ В словарях у глагола *æmbæln* приводятся также значения ‘встречать, встречаться; сталкиваться; случаться; следовать, причитаться (о деньгах); попадать в цель’. Основным его значением считается значение

Осетинский язык

- (13) **dæwæn** æmbæl-ə a-sæw-ən
ты.DAT следовать.PRS-PRS.3SG PRV-идти.PRS-INF
'Тебе следует уйти'.

- (14) **wəmæn** æmbæl-ə ba-sæw-ən?
он.DAT можно.PRS-PRS.3SG PRV-идти.PRS-INF
'Ему можно войти?'

Неканоническое маркирование субъекта наблюдается также при модальном глаголе *qæwæn*, который означает необходимость и желание (субъект маркируется генитивом):

Осетинский язык

- (15) **Mæn** qæw-ə ba-fənæj kæn-ən sæmæj
я.GEN быть.нужным.PRS-PRS.3SG PRV-сон делать.PRS-INF чтобы
rajšom mæxi xorž ænk'ar-on
завтра я.EMPH.GEN хороший чувствовать.PRS-CONJ.1SG
'Мне нужно выспаться, чтобы завтра хорошо себя чувствовать'.

- (16) **sə nwaž-zənə saj mæ qæw-ə**
что пить.PRS-FUT.2SG чай 1SG.ENCL.GEN быть.нужным.PRS-PRS.3SG
'– Что ты будешь пить? – Я хочу чаю'.

Особые синтаксические явления обнаруживаются в конструкциях с модальными глаголами и в нахско-дагестанских языках⁹. Нередко все актаны в таких конструкциях сохраняют «исходное» падежное маркирование – независимо от переходности глагола: в частности, субъекты при переходных смысловых глаголах остаются в эргативе, при канонических непереходных – в абсолютиве, при экспериенциальных глаголах – сохраняют «исходное» неканоническое маркирование. В таких случаях можно считать, что модальные глаголы имеют единственный актант – вложенную предикацию (ср. Kibrik 1987; Кибрик 2003; при этом, правда, модальные глаголы нередко согласуются с абсолютивным актантом вложенной предикации). Иногда, однако, субъект (а порою и другие актаны) в модальных конструкциях может получать неканоническое оформление, и тогда естественно

'встречать(ся)'. Однако при выражении такой семантики субъект маркируется номинативом, а пациент – суперэссивом. Например, *Mæ ragon ærdxord-al fe-mbæld-tæn* [я.POSS старый друг-SUPER.LAT PRV-встречать.PST-PST.1SG] 'Я встретил старого друга'.

Маркирование субъекта дативом возможно у этого глагола только при обозначении деонтической необходимости и возможности. Теоретически можно предположить, что перед нами недеривационное неканоническое маркирование: оформление субъекта не номинативом, а дативом меняет значение глагола *æmbælan* с нейтрального на модальное. Однако такая трактовка данного глагола не согласуется с традицией описания осетинского языка. Мы склонны считать, что в осетинском существует два омонимичных (и, вероятно, восходящих к разным корням) глагола *æmbælan*, один из которых означает 'встречать(ся)' (от *æm-bal* изначально 'со-ратник'; см. Абаев 1958, 136–137), а другой указывает на деонтическую необходимость и возможность (этимология неизвестна).

⁹ Богатым источником по модальным конструкциям в дагестанских языках являются «Материалы к типологии эргативности» А.Е. Кибрика, впервые появившиеся в виде предварительных публикаций в 1979–1981 годах и перепечатанные в Кибрик 2003; обзор соответствующего материала дан также в Kibrik 1987. Тем не менее следует учесть, что для ряда языков в «Материалах...» русские модальные глаголы переводятся бытийными глаголами – и, соответственно, описываемые там конструкции с неканоническим маркированием агенса представляют не лексический, а деривационный тип. То же касается и статьи Ganenkov 2006, в которой описываются модели управления дагестанских экспериенциальных глаголов, к которым причисляются и глаголы возможности.

думать, что это происходит благодаря модальному предикату. Так, в **чеченском** языке при модальном предикате *meg-a*, выражающем деонтическую возможность (разрешение, позволение), субъект при непереходном смысловом глаголе маркируется абсолютивом или дативом (17), а при переходном – эргативом или дативом (18):

- Чеченский язык
- (17) **swo** / **suna** v-axa meg-a
 я.ABS я.DAT I-идти.INF мочь-PRS
 ‘Я могу (имею разрешение) идти’.
- (18) **as** / **suna** d-an meg-a
 я.ERG я.DAT III-делать.INF мочь-PRS
 ‘Я могу (имею разрешение) делать’.

На первый взгляд, такая вариативность выглядит как факультативное неканоническое оформление субъекта. Однако в то время как дательный падеж в примерах (17)–(18) управляется модальным глаголом, каноническое оформление определяется в соответствии с переходностью смыслового глагола, а не модального. Согласно принятой выше трактовке, при каноническом маркировании единственным актантом модального глагола является вся предикация ([*swo vaxa*] в (17) и [*as dan*] в (18)), т.е. то, что представляется в качестве субъекта, в действительности представляет собой субъект предикации более низкого уровня. При неканоническом маркировании субъект относится к главной предикации и управляется ее сказуемым – модальным глаголом. Тогда, например, предложениям, данным в (17), соответствуют структуры, представленные в (17a) и (17b):

- (17) a. [**swo vaxa**] mega
 (17) b. **suna** [vaxa] mega

Заметим, что каноническое маркирование может трактоваться и иначе – как если бы субъект был подчинен сложному предикату, представляющему собой комбинацию инфинитива и модального глагола¹⁰; ср. (17c). Но применение такого анализа к примерам с дательным падежом субъекта (ср. 17d) ведет к тому, что это неканоническое маркирование уже придется отнести не к лексическому, а к деривационному классу – поскольку неканоническое маркирование, согласно этой интерпретации, тоже должно было бы «присваиваться» не одним модальным глаголом, но всей сложной формой.

- (17) c. **swo** [vaxa mega]
 (17) d. **suna** [vaxa mega]

Согласно Nichols 2008, подобная картина наблюдается и в близкородственном чеченскому **ингушском** языке. Кроме того, в той же работе описывается поведение ингушского глагола должествования, при котором субъект обычно оформляется генитивом (19), но может и управляться смысловым глаголом (20):

¹⁰ Ср. трактовку сочетания смыслового глагола и глагола ‘мочь’ в чеченском языке как формы потенциалиса в Rareulidze 2008. В то же время следует заметить, что глагол ‘мочь’ в чеченском языке синтаксически автономен: он может появляться без зависимого глагола при ответе на вопрос, а порядок инфитив + ‘мочь’ в разговорной речи может нарушаться. К сожалению, у нас отсутствуют данные, которые однозначно указывали бы на то, представляет ли эта конструкция единую синтаксическую предикацию или же в ней одна синтаксическая предикация является частью другой.

Ингушский язык (Nichols 2008: 61)

(19) Massa čо b-aaqqa b-ieza sy?
 сколько волос(VI) VI.SG-братъ VI.SG-нужно я.GEN
 ‘Сколько волос я должен отрезать?’

(20) Massa čо b-aaqqa b-ieza aaz?
 сколько волос(VI) VI.SG-братъ VI.SG-нужно я.ERG
 ‘Сколько волос мне необходимо отрезать?’

По данным Дж. Николс, во втором примере, где субъект оформлен эргативом и, следовательно, управляется смысловым глаголом ‘братъ’, есть семантический оттенок необходимости для достижения некоторой цели. Таким образом, в этой ингушской конструкции изменение маркирования субъекта имеет дополнительную семантическую функцию. Впрочем, вопрос о том, появляется ли этот семантический оттенок исключительно благодаря падежному оформлению (что делало бы данную пару примеров совершенно аналогичной примерам (11)–(12) из малаялам) или здесь имеются две принципиально разных синтаксических структуры, остается открытым¹¹.

Во многих нахско-дагестанских языках оформление субъекта при модальных глаголах совпадает с маркировкой субъекта при экспериенциальных глаголах. Ср. следующий багвалинский пример с модальным глаголом ‘мочь’ и субъектом в аффективном падеже и аналогичный пример с обычным экспериенциальным глаголом (4):

Багвалинский язык (Даниэль 2001b: 372)

(21) **basqan** **ʒumar-i-ba** uha-m-o ek^ʷa han
 Баскан Омар-О-AFF мочь-N-CONV есть селение
 b-uh-ā
 N-собирать-POT.INF
 ‘Баскан Омар смог захватить селение’.

Однако такая ситуация не является обязательной. В том же багвалинском при глаголах возможности помимо немаркированной экспериенциальной стратегии оформления субъекта имеется еще одна стратегия, которая «вносит в предложение отчетливый компонент неполного контроля над ситуацией, а в ряде случаев также компонент неожиданности» (Ганенков 2005: 222–223); субъект при этом маркируется специальным падежом «ненамеренного агенса»:

Багвалинский язык (Даниэль 2001a: 217; Ганенков 2005: 222)

(22) **o-š:u-č’ali** b-ažeri // uhā hinč’a-b hinc’a č’ihi
 он-О-IA N-мочь мочь большой- N камень вверх
 hec’-āla
 вставить. CAUS.POT.INF

‘У него получилось поднять тяжелый камень {т.е. ни у кого не получалось, а у него получилось, он сам не ожидал успеха}’.

В некоторых других дагестанских языках особое оформление субъекта того или иного модального глагола, не совпадающее с кодированием субъекта экспериенциального глагола, является нормой. В **цахурском** языке при неканоническом оформлении лексического типа в модальных конструкциях появляется ад-элативный (= конт-элативный) падеж

¹¹ В пользу единой структуры говорит порядок слов: в обоих примерах субъект следует за модальным глаголом и тем самым отделен от инфинитивного оборота. Аналогичное явление наблюдается в **арчинском** языке, где в норме субъект остается маркирован в соответствии с моделью управления инфинитива (Кибрик 2003: 565).

(23), в то время как при экспериенциальных глаголах субъект обычно маркируется аффективом, супер-элативом или дативом. В **лакском** языке для неканонического маркирования субъекта (или других актантов) в конструкции с модальным глаголом используется аблатив (24), а в конструкции с экспериенциальными глаголами – дательный падеж; см. Кибрик 2003; Ganenkov 2006. В цезских языках в аналогичной конструкции появляется так называемый пос-эссивный падеж, который иногда трактуется как падеж общей локализации (см. Cysouw, Forker 2009), в то время как субъект экспериенциальных глаголов обычно оформлен дательным падежом / лативом (см., например, Comrie 2004; Ganenkov 2006); ср. пример (25) из принадлежащего цезской подгруппе **гинухского** языка.

Цахурский язык (Лютикова, Бонч-Осмоловская 1999: 526)

(23) **ič̣i-si-e** **jiq'** **hãʔ-as** **w-aIX-as-da**
 девочка-AD-EL бульон(III) III.делать-POТ III-мочь-POТ-ATR
 'Девочка сможет приготовить бульон'.

Лакский язык (Кибрик 2003: 473)

(24) **gʷani-š:a** **d-uč'a-n** **b-uqllaj** **b-u-r**
 она-ABL II-прийти-INF III-мочь III-быть-3
 'Она может прийти'.

Гинухский язык (Cysouw, Forker 2009)

(25) **Ayšat-ɣo** **k'wezi** **b-iq-iš** **b-egi** **хок'о**
 Айшат-POSS.ESS мочь III-быть-PST III-хороший хинкал(III)
b-uw-a
 III-делать-INF
 'Айшат могла делать хороший хинкал'.

4. Деривационный тип

Как и лексический тип, деривационный тип неканонического маркирования предопределен другими элементами конструкции. Однако в этом случае причину явления невозможно отыскать в лексической семантике сказуемого: неканоническое маркирование возникает либо благодаря какому-то нелексическому (служебному, связанному) элементу в глаголе, либо благодаря грамматикализованному глаголу, используемому не в своем первичном значении. Другими словами, особенность этого типа состоит в том, что вклад единиц, определяющих маркирование субъекта, не должен быть синтаксически композиционален:

– либо эти единицы представляют не синтаксический уровень, а морфологический (на практике речь всегда идет об аффиксах),

– либо этим единицам невозможно приписать такого лексического значения, чтобы его вклад и определял модальность (речь идет об использовании немодальных лексических единиц типа глагола 'быть' в модальных конструкциях).

В первом случае мы будем говорить о синтетических формах, во втором – об аналитических, не вкладывая в эти термины никакого дополнительного смысла вроде принадлежности к словоизменительной парадигме и т.д.

Поскольку деривационное неканоническое маркирование субъекта с аналитическими формами часто смешивается с лексическим, именно с него мы начнем рассмотрение деривационного типа, а затем обратимся к конструкциям с синтетическими формами.

4.1. Деривационное неканоническое маркирование при аналитических формах

В современных исследованиях по грамматикализации отмечается, что ей подвергаются не только (и не столько) элементарные языковые единицы, но и целые конструкции (см., например, Lehmann 2002; Майсак 2005, а также критическое обсуждение в Lander 2002). В

этом ракурсе естественно рассматривать и аналитические способы выражения модальности, которые задействуют лексические единицы, в своем основном значении никакого отношения к модальности не имеющие¹². Как мы увидим, в ряде языков Северного Кавказа подобные конструкции тоже включают неканоническое маркирование субъекта ситуации.

В **осетинском** языке неканоническое маркирование субъекта наблюдается в специальных аналитических конструкциях, выражающих долженствование (26) и внешнюю возможность (27). Конструкция долженствования состоит из смыслового глагола в причастно-деепричастной форме на *-gæ* (как для переходных, так и для непереходных глаголов) или в конвербной форме на *-gæjæ* (только для непереходных глаголов) и вспомогательного глагола *wæn* 'быть', принимающего форму 3 лица единственного числа и способного изменяться по временам и наклонениям. Субъект в этой конструкции маркируется дативом:

Осетинский язык

(26)	<i>xištær</i>	<i>k_wæ</i>	<i>ærsa-sæw-a,</i>	<i>wæd</i>	<i>kæštær-æn</i>
	старший	когда	PRV-идти.PRS-CONJ.3SG	тогда	младший-DAT
	<i>šə-št-gæ</i>		/	<i>šə-št-gæjæ</i>	<i>u</i>
	PRV-вставить.PRS-PART			PRV-вставить.PRS-CONV	быть.PRS.3SG

'Когда входит старший, младший должен встать'.

Конструкция внешней возможности состоит из смыслового глагола в форме так называемого «инфинитива второго» и вспомогательного глагола *wæn* 'быть', тоже находящегося в форме 3 лица единственного числа и изменяющегося по временам и наклонениям; в настоящем времени используется экзистенциальная связка *i(š)*, а при отрицании – *næj*. Как и в предыдущей конструкции, субъект оформляется дательным падежом:

Осетинский язык

(27)	<i>mænæn</i>	<i>wærdæm</i>	<i>sæw-æn</i>	<i>næ-j</i>
	я.DAT	туда	идти.PRS-INF2	NEG-EXST

'Мне нельзя туда входить'.

Аналогичные конструкции обнаруживаются в нахско-дагестанских языках. Так, А.Е. Кибрик (2003) фиксирует для **цезского** и **бежтинского** языков модальные конструкции с участием глагола 'стать'; ср. бежтинские примеры:

Бежтинский язык (Кибрик 2003: 602–603)

(28)	<i>kibbä-qä</i>	<i>öže</i>	<i>egä:nä</i>	<i>aqca</i>
	девочка(II)-POSS.ESS	мальчик(I)	I.видеть.CONV	I.стать.PRS

'Девочка может увидеть мальчика'.

¹² Для нас принципиально важно, что модальное значение у таких единиц если и возникает, то только в составе некоторой конструкции. В этой связи не так существенно, что некоторые обсуждаемые ниже конструкции допускают синтаксический анализ, в соответствии с которым они представляют собой непереходные предикации, а формальным подлежащим в них является вложенная предикация. Некомпозициональность конструкций имплицитно подразумевает, что они должны рассматриваться целиком, а не по частям.

Следует подчеркнуть, однако, что некомпозициональность и идиоматичность конструкции в некоторых случаях может вести к изменению значения слова. Так, в **адыгейском** языке значение возможности выражается глаголом *леџ'ə*, который исходно состоял из преверба *ле-* и корня *-џ'ə-* со значением удаления (ср. Шагиров 1977: 253), не был самостоятельной модальной лексемой и имел при себе субъект ситуации, оформленный как непрямое дополнение, вводимое превербом. Однако синхронно, согласно нашим консультантам и вопреки А.К. Шагирову, исторически являвшийся последовательностью двух морфем сегмент *-леџ'ə-* не разрывается. Это дает основания считать, что данная основа уже лексикализована и представляет собой отдельный модальный глагол.

- (29) **kibbä-l** öže egä:nä aqca
 девочка(II)-DAT мальчик(I) I.видеть.CONV I.стать.PRS
 ‘Девочка имеет право увидеть мальчика’.

В цезском и бежтинском субъект возможной ситуации оформляется пос-эссивным падежом (как в примере 28), однако бежтинский позволяет и маркирование субъекта дативом (29). Дательный падеж субъекта в бежтинских конструкциях возникает при выражении деонтической возможности – таким образом, в этом языке разное неканоническое оформление может отражать разную семантику. Это сближает бежтинскую ситуацию с тем, что описывалось в разделе 2 для малаялам, и, соответственно, с недеривационным типом неканонического маркирования.

Модальные конструкции с глаголами ‘быть’, ‘стать’, ‘оказываться’ распространены в тех лезгинских языках, в которых отсутствуют лексические модальные глаголы возможности. Рассмотрим **агульский** язык. Согласно А.Е. Кибрику (2003: 521), в агульской конструкции со значением возможности субъект ситуации маркируется дательным падежом или одним из пространственных падежей. Однако в работах Ганенков и др. 2006; Ganenkov et al. 2008, где также описывается эта конструкция, в качестве единственного падежа, оформляющего субъект ситуации, упоминается ад-элатив:

- Агульский язык (Ganenkov et al. 2008: 186)
 (30) **ruš-a-f-as** kitab ruḡa-s xu-ne
 девочка-O-AD-EL книжка читать-INF стать-PST
 ‘Девочке удалось прочитать книжку’.

- (31) **ilsan-di-f-as** [allah-ti dua-s] xa-fe-wa?
 человек-O-AD-EL Аллах-COM тянуть-INF стать-GENER-Q
 ‘Можно ли (позволено ли) человеку состязаться с Аллахом?’

Та же картина наблюдается в **крызском** языке (Authier 2009), где для выражения возможности используется бытийный глагол, а субъект ситуации оформляется ад-элативом:

- Крызский язык (Authier 2009: 309)
 (32) **va-var** za šimbi ula-z ša-ba-da-b
 ты-AD.EL я.GEN братья есть-INF быть-N.PL-NEG.FUTP-N.PL
 ‘Ты не сможешь (будешь не в состоянии) съесть моих братьев!’

- (33) **la-b-sil-ži** ʼa-b-ḡir ša-ba-ja-b **ja-var**
 PV-N.PL-повернуться-SEQ PV-N.PL-прийти.INF быть-N.PL-FUT-HPL вы-AD.EL
 ‘Вы сможете вернуться’.

В связи с этими конструкциями подчеркнем два факта. Во-первых, ни в одном из упомянутых языков по крайней мере основной тип неканонического маркирования не совпадает с экспериенциальными глаголами: в осетинском субъект ситуации при этих глаголах обычно маркируется номинативом, в крызском – дательным падежом, в агульском – дательным (который, напомним все же, по-видимому, встречается в модальной конструкции некоторых агульских идиомов) и супер-эссивом, в цезском и бежтинском – дательным. В то же время в лезгинских и цезских языках падеж, появляющийся в интересующих нас конструкциях, совпадает с падежом, маркирующим так называемого «ненамеренного агенса» (ср. Ganenkov 2006: 188). Во-вторых, неканоническое оформление субъекта наблюдается независимо от переходности смыслового глагола. Последнее, как мы увидим, отличает картину, наблюдаемую для аналитических форм, от того, что наблюдается в формах синтетических.

4.2. Деривационное неканоническое маркирование при синтетических формах

Синтетические модальные формы наблюдаются во многих языках Кавказа: так называемый потенциалис даже выделяется в качестве «общекавказской структурной общности» в Климов (ред.) 1978: 75 и признака, присущего «Кавказскому языковому союзу», в Chirikba 2008 (см. также Hewitt 2008). Естественно, далее нас будут интересовать только конструкции, где использование подобных форм ведет (или может вести) к неканоническому оформлению агенса.

В **чеченском** языке (и в других нахских языках) помимо рассмотренного выше модального глагола функционирует также полноправная морфологическая категория потенциалиса (см., в частности, Имнайшвили 1977; Pateulidze 2008), выражаемая, как обычно считается в литературе, «сливающимся» с основой вспомогательным глаголом (*d)ala*ⁿ. Последний часто переводится как ‘стать’, хотя, как отмечает Д. Имнайшвили (1977: 179), для него «первичным и основным значением» следует считать значение потенциалиса. Если потенциальная форма образована от переходного глагола, агенс маркируется аллативным падежом, но если форма образована от непереходного глагола, субъект ситуации остается в абсолютиве:

Чеченский язык
(34) **swo** v-axa-lwo
я.NOM I-идти-POT
‘Я могу (в состоянии) идти’.

(35) **süöga** d-a-lwo
я.ALL III-делать-POT
‘Я могу (в состоянии) делать’.

В результате неканоническое маркирование субъекта при формах потенциалиса наблюдается, только если это формы переходных глаголов.

Аналогичная категория обнаруживается в некоторых цезских языках – в частности, в собственно **цезском** и **гинухском**. В обоих языках, как и в нахских, неканоническое оформление у субъекта возникает, лишь когда форма образована от переходной основы (примеры 36 и 38):

Цезский язык (Alekseev, Radžabov 2004: 151)
(36) **kid-be-q** ħi r-owelsi
девочка-O-POSS.ESS вода(IV) IV-нести.POT.PST
‘Девочка может принести воду’.

(37) **di** iziħsi
я¹³ встать.POT.PST
‘Я мог встать’.

Гинухский язык (Diana Forker, полевые материалы):
(38) **di-qo** haw xabar ?ese-ħ-me
я.O-POSS.ESS этот история рассказать-POT-NEG
‘Я не могу рассказать эту историю’.

¹³ В цезском и гинухском языках местоимения ‘я’ и ‘ты’ не противопоставляют формы непереходного субъекта, переходного агенса и переходного пациенса. Тем не менее естественно считать, что в (37) и в (39) сохраняется каноническое маркирование, поскольку субъект не маркируется пос-эссивом, как в (36) и (38).

- (39) **de** / ***di-qo** **uli-l-me** **ix-i-λ'o-bito**
я / я.О-POSS.ESS спускаться-POT-NEG река-О-SUPER-TRANS
‘Я не могу пройти реку’.

Наконец, в **хиналугском** языке имеется особое «причастие можествования», употребляющееся в модальных конструкциях вместе с бытийным глаголом (см. Кибрик и др. 1972: 112; Kibrik 1994: 393–394). Если основа переходная, субъект при ней обязательно оформляется особым «посессивным» падежом, но если основа непереходная – маркирование субъекта этим падежом падежом факультативно:

- Хиналугский язык (Кибрик 2003: 574; ср. также Kibrik 1994: 400)
(40) **gadaš** / ***gadi** **riši** **χāš-s-xi-n-kwidāmä**
мальчик.POSS / мальчик.ERG девочка толкать-II-POT-II.быть
‘Мальчик может толкнуть девочку’.

- (41) **gadaš** / **gada** **ač'ivi-n-kwidmā**
мальчик.POSS / мальчик спать.I-POT-I.быть
‘Мальчик может спать’.

В свете представленных выше фактов некоторых других нахско-дагестанских языков естественно считать, что возможность неканонического маркирования субъекта при непереходных модальных формах в хиналугском языке – инновация, явившаяся следствием унификации системы: другими словами, исходное правило, требующее неканонического кодирования субъекта переходных глаголов было распространено и на конструкции с непереходными глаголами.

Примечательно, что сходное явление наблюдается в отдельных абхазо-адыгских языках, а именно в **абхазском** и **абазинском**, в которых использование форм потенциалиса тоже приводит к неканоническому кодированию субъекта при переходных основах, но не при непереходных основах. Однако, как будет показано в следующем разделе, как раз для этих языков такая система явилась скорее результатом переосмысления другой системы, представляющей недеривационный тип.

5. Недеривационный тип

Из всех выделенных типов неканонического маркирования субъекта недеривационный – самый экзотический. Кодирование роли здесь само несет в себе информацию о модальности¹⁴ – и, таким образом, одна из базовых семантических характеристик предикации выражается в ней на зависимых элементах. Тем не менее недеривационный тип неканонического маркирования зафиксирован в абхазо-адыгской и нахско-дагестанской семьях. Поскольку данное явление является, по-видимому, достаточно редким, ниже мы рассмотрим его более подробно.

5.1. (Абхазо-)адыгский материал

Как известно, абхазо-адыгские языки являются полисинтетическими – морфология в них выражает значительное количество информации, в других языках передаваемой синтаксисом: в частности, грамматические роли актантов по большей части устанавливаются морфологически, через личные префиксы, чья роль определяется их серией и позицией в словоформе-предикате. Помимо актантов, чье присутствие определяется непосредственно семантикой корня, в словоформе могут иметься и префиксы «непрямого объекта», индек-

¹⁴ Хотя обычно для выражения модальности одних средств кодирования роли оказывается недостаточно (в этом отношении описываемые ниже конструкции исключительны), в нахско-дагестанских языках разница в падежном маркировании, не связанная непосредственно с глагольной формой, используется для выражения тонких значений довольно широко; см., в частности, статью З.М. Маллаевой в настоящем издании.

сирующие других участников, – такие префиксы вводятся превербами актантной деривации, эксплицирующими роль соответствующих участников ситуации и в норме образующими вместе с вводимыми ими личными префиксами единую морфологическую составляющую; ср. следующий пример из адыгейского языка:

Адыгейский язык

- (42) sə-qə-[t-de]-[p-fə]-ra-va-že-š'tə-в
 1SG.ABS-DIR-[1PL.IO-COM]-[2SG.IO-BEN]-3PL.A-CAUS-читать-AUX-PST
 ‘Они заставляли меня читать тебе вместе с нами’.

Естественно ожидать, что неканоническое оформление субъекта в этих языках должно проявляться в первую очередь не в падежном маркировании, а в грамматической роли соответствующего субъекту личного префикса. Среди нескольких модальных конструкций в абхазо-адыгских языках имеется и такая, которая демонстрирует неканоническое маркирование субъекта в указанном смысле. Эта конструкция, в грамматических описаниях обычно именуемая «префиксальным потенциалисом» (см., например, Кумахов 1964: 188–190; Рогавя, Керашева 1966: 280–281; Гишев 1989: 171–174), проиллюстрирована для адыгейского языка в примере (44), параллельном простой конструкции (43):

Адыгейский язык

- (43) ə-tə-š't-ep
 3SG.A-давать-FUT-NEG
 ‘Он не даст это’.
- (44) [Ø-fe]-tə-š't-ep
 3SG.IO-BEN-давать-FUT-NEG
 ‘Он не сможет дать это’.

В первом из этих примеров переходный глагол содержит личный префикс агенса 3 лица единственного числа. В словоформе (44), имеющей особое модальное значение, префикс серии агенса отсутствует, а соответствующий актант индексируется (нулевым) личным показателем серии непрямого объекта. Семантическая роль этого префикса эксплицируется следующим за ним бенефактивным префиксом актантной деривации, функционирующего, таким образом, в качестве аналога падежного показателя или предлога/послелога. Буквально эта словоформа могла бы быть переведена как ‘для него это не дается’ (при таком переводе мы, конечно, мы игнорируем отсутствие в адыгейском языке собственно залоговых противопоставлений).

Бенефактивный преверб в адыгейском языке иногда используется в качестве нейтральной актантной деривации, используемой для введения актанта без конкретизации его семантической роли (см., например, Ландер 2009), поэтому, строго говоря, о бенефактивной семантике в данном случае речь не идет. В описываемой модальной конструкции преверб актантной деривации сообщает исключительно об изменении роли субъекта, и нет оснований считать, что он меняет семантику основы¹⁵. Следовательно, адыгейские формы «префиксального потенциалиса» представляют собой пример недеривационного неканонического маркирования субъекта¹⁶. При этом подобные формы образуются только от пе-

15 Как можно заметить, мы не считаем бенефактивный префикс актантной деривации ни словообразовательным средством, образующим новые лексемы – единицы словаря, ни словоизменительным средством, маркирующим некоторую «клетку в парадигме».

16 Интересно, что аналогическое неканоническое маркирование субъекта окказионально встречается и при глаголе ‘мочь’ (ср. пример из Гишев 1989: 173: *a ʔʷefə-r ħ'ale-m Ø-fe-леč'ə-š't-ep* [тот работа-ABS парень-OBL 3SG.IO-BEN-мочь-FUT-NEG] ‘Эту работу парень не может (выполнять)’) и при глаголах, содержащих суффикс со значением возможности – так называемый суффиксальный потенциалис, или хабилитив (ср. *s-fe-wəč'ə-*

реходных основ (т.е. основ, в принципе позволяющих присоединение личного префикса агенса).

Аналогичные формы присутствуют и в другом языке адыгской (черкесской) ветви – **кабардино-черкесском**. Однако для абхазо-абазинской ветви, как уже было упомянуто выше, трактовка соответствующих форм как представителей недеривационного типа не очевидна (см. о них Ломтатидзе 1955; 1976; Чкадуа 2005: 201–210; Hewitt 2008). На первый взгляд, формы потенциализа в **абхазском** и **абазинском** языках сходны с адыгскими. Здесь тоже используется преверб (*zə-*), который совпадает с показателем бенефактивной роли и в сочетании с переходными основами так же, на первый взгляд, вводит личный префикс, соответствующий субъекту ситуации (45). Но форма потенциализа может образовываться и от непереходных основ – и тогда преверб *zə-* уже не служит в качестве средства маркирования роли: личный префикс, индексирующий субъект ситуации, «продолжает» занимать исходную для него первую «абсолютивную» позицию в словоформе; ср. (46):

Абхазский язык (Spruit 1986: 134)

(45) **d-sə-z-ba-wa-m**
3SG:M.ABS-1SG.IO-POT-видеть-PRS-NEG
'Я не могу его увидеть'.

(46) **də-z-ca-wa-m**
3SG.M.ABS-POT-идти-PRS-NEG
'Он не может идти'.

В Spruit 1986: 134 приводятся также аналогичные потенциальным формы с показателем облигатива и значением неизбежности:

Абхазский язык (Spruit 1986: 134)

(47) **d-s-amxa-ba-wa-jt'**
3SG:M.ABS-1SG.IO-OBLG-видеть-PRS-FIN:DYN
'Я (обязательно) должен его увидеть'.

(48) **d-amxa-ca-wa-jt'**
3SG.M.ABS-OBLG-идти-PRS-FIN:DYN
'Он (обязательно) должен идти'.

Подчеркнем разницу между адыгейской и абхазской конструкциями. В адыгейском языке бенефактивный преверб образует единую морфологическую составляющую с личным префиксом, роль которого этот преверб маркирует; например, в (44) это [*∅-fe-*] 'для него'. В абхазском языке, как видно из (46) и (48), соответствующие превербы могут выступать уже исключительно как показатели потенциализа и облигатива, не указывающие на роль личного префикса. Если считать, что маркеры потенциализа и облигатива функционируют одинаково при переходных и непереходных основах, надо думать, что и при переходных глаголах имеет место деривационное неканоническое маркирование, обусловленное наличием в форме особых показателей. Вместе с тем, по-видимому, картина,

ǰwə-ǰ't-ep [1SG.IO-BEN-убить-NBL-FUT-NEG] 'Я не могу убить (то)', пример из Ломтатидзе 1976: 108). В обоих случаях неканоническое маркирование факультативно и представляет собой вторичное явление. Нам не вполне очевидно, можно ли трактовать эти случаи в качестве представителей лексического и деривационного типов неканонического маркирования – или же следует считать, что неканоническое маркирование здесь выступает в качестве независимого от конкретных лексем и форм средства передачи модальности, накладывающегося на семантику основы.

представленная в абхазо-абазинской ветви является результатом переосмысления конструкций, аналогичных адыгейским. Исходно префикс исключительно сообщал об изменении роли субъекта и поэтому был ограничен переходными глаголами, для которых такое изменение возможно (в отличие от непереходных, где изменение статуса субъекта привело бы к исчезновению абсолютного актанта – ситуации для этих языков невероятной). После бывший префикс актантной деривации стал использоваться как простой показатель потенциалиса, а его сфера употребления расширилась и на непереходные глаголы¹⁷.

5.2. Цезские языки

Как отмечено Дианой Форкер (личное сообщение), в **гинухских** модальных конструкциях наряду с деривационным неканоническим маркированием субъекта окказионально встречается и недеривационное; ср. следующий пример:

Гинухский язык (Diana Forker, полевые материалы)

(49) **hadze-qo** hago uži aši-yo gom
 они.O-POSS.ESS этот мальчик находить-PRS быть.NEG
 ‘Они не могут найти этого мальчика’.

В (49) отсутствует показатель потенциалиса (представленный в приведенных выше примерах 38–39) – и тем не менее субъект получает неканоническое маркирование пос-эссивным падежом (тем же падежом, что и в других конструкциях возможности). Конструкция имеет модальное значение, указывая на возможность ситуации. Это значение в (49) появляется исключительно благодаря падежному оформлению – никаких других элементов, способных привести его в конструкцию, нет¹⁸.

На данный момент это единственный известный нам безупречный пример недеривационного неканонического маркирования субъекта ситуации в модальных конструкциях нахско-дагестанских языков. Впрочем, что цезские языки обнаруживают еще одну конструкцию с близкими свойствами – POSSIBILITY-CAUSATIVE, показанную в примере (50):

Гинухский язык (Diana Forker, полевые материалы):

(50) **dew-qo** de iškola-r iʃ'i
 ты.O-POSS.ESS я школа-LAT идти
 ‘Ты можешь меня в школу забрать’.

Формально (50) представляет собой непереходную конструкцию. Но с точки зрения семантики конструкция является каузативной, причем каузатор здесь выражен как периферийный актанта, оформленный пос-эссивом. Существенно, что помимо значения каузации конструкция получает и модальное значение возможности.

Такие же примеры зафиксированы в **цезском** языке; ср.:

Цезский язык (Alekseev, Radžabov 2004: 151)

(51) **da:q** že eʃu-s
 я:POSS.ESS тот проигрывать-PST
 ‘Я мог его победить’.

¹⁷ Ср. аналогичное заключение, сделанное К. Ломтатидзе: «...категория потенциалиса (с использованием версионного аффикса при превращении субъекта в косвенный объект) зародилась в переходном персональном глаголе» (1976: 105), и далее: «[в]озможно, именно адыгские языки сохранили нам исходное положение вещей, характерное для формирования потенциалиса как глагольной категории» (1976: 107).

¹⁸ При этом, безусловно, можно предполагать, что недеривационное неканоническое маркирование субъекта в данном случае развилось из деривационного – в следствии утраты показателем потенциалиса своей obligatorности.

Как и в предыдущем примере, в (51) каузатор вводится тем же падежом, что возникает при формах потенциалиса, причем этот падеж фактически кодирует возможного агенса¹⁹.

Модальное значение в (50)–(51) появляется исключительно за счет неканонического падежного маркирования каузатора. При этом, согласно нашему пониманию субъекта ситуации, такой каузатор может считаться субъектом – независимо от употребленного глагола. В то же время у этих примеров отсутствуют немодальные параллели, в которых использовался бы тот же глагол и при этом описывалась бы такая же (каузативная) ситуация, что делает эту конструкцию крайне нестандартной.

6. Выводы, гипотезы, вопросы

В настоящей статье модальные конструкции в языках Северного Кавказа были рассмотрены в перспективе типологии неканонического маркирования субъекта ситуации, предложенной в разделе 2. Это исследование – сугубо предварительное: доскональное исследование многообразия модальных конструкций в языках Кавказа, естественно, представляет собой задачу, выходящую за рамки небольшой статьи и требующее выяснения деталей, которые нередко остаются за рамками описаний конкретных языков.

Основной вывод данной статьи состоит в том, что в кавказском ареале представлены все возможные типы неканонического маркирования субъекта, что не кажется нам случайным. Мы предполагаем, что наличие всех типов связано с особой ролью, которую в этом ареале играет эргативная конструкция. В частности, мы предлагаем следующую гипотезу:

(52) *Гипотеза о корреляции между типом неканонического маркирования субъекта в модальных конструкциях и типом системы ролевого кодирования:*

На шкале типов неканонического маркирования субъекта ситуации

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ТИП \leftrightarrow ДЕРИВАЦИОННЫЙ ТИП \leftrightarrow НЕДЕРИВАЦИОННЫЙ ТИП

неканоническое маркирование, располагающееся левее, более типично для аккумулятивных систем, в то время как неканоническое маркирование, располагающееся правее, более типично для эргативных систем.

Например, мы предполагаем, что недеривационный тип неканонического маркирования субъекта ситуации в модальных конструкциях аккумулятивных языков наименее естественен. Этому, казалось бы, противоречат данные аккумулятивного языка камбера и, возможно, аккумулятивного языка малаялам, приведенные в разделе 2. Примечательно, однако, что камбера обнаруживает некоторые эргативные черты (Klamer 2008: 293), а малаялам располагается в одном ареале с демонстрирующими эргативные признаки индоарийскими языками вроде хинди/урду, где обнаруживаются сходные конструкции (Butt et al. 2004; de Hoop, Narasimhan 2008). В немодальных конструкциях недеривационный тип зафиксирован нами в русском языке (пример 2), А. Мальчуков указывает также на существование схожей конструкции в бенгальском языке (Malchukov 2006: 346; см. также Onishi 2001); но в целом, по-видимому, это явление для аккумулятивных систем нетипично и если и присутствует, то связано не столько с семантическими характеристиками всей предикации, сколько с характеристиками самого субъекта.

Лексический тип неканонического маркирования субъекта, как мы видели, не исключен в модальных конструкциях, основывающихся на эргативных системах. Однако в отличие от того, что наблюдается в аккумулятивных системах, можно полагать, что в эргативных системах присутствие лексического неканонического маркирования в норме не должно быть периферийно; другими словами, наличие неканонического маркирования субъек-

¹⁹ Наряду со значением возможности, в (51) может появиться и значение ненамеренности ‘Я случайно его обыграл’.

та в модальных конструкциях должно сосуществовать с распространенным лексическим неканоническим маркированием в других семантических зонах. В аккузативных системах лексическое неканоническое маркирование, можно думать, должно занимать относительно периферийное положение, но тем не менее не обязано коррелировать с аналогичными явлениями.

Следует особо отметить, что проявления эргативности наблюдаются в правой части упомянутой выше шкалы: как показал материал чеченского, цезского, гинухского и адыгских языков, именно здесь обнаруживаются связанные с неканоническим оформлением запреты, которые противопоставляют субъект ситуации, выраженной непереходным глаголом, субъекту ситуации, выраженной глаголом переходным.

Если гипотеза (52) верна, что может лежать в ее основе? Одна из возможных подоплек явления состоит в том, что шкала типов неканонического маркирования в какой-то степени отражает то, насколько система вообще допускает неканоническое маркирование субъекта. Так лексическое неканоническое маркирование, очевидно, очень специфично, привязано к конкретным лексемам и не подчиняется легко выводимым правилам. Деривационное неканоническое маркирование, наоборот, предполагает потенциальную распространенность данного явления, которая, однако, ограничена сочетаемостью разных форм. Наконец, недеривационное неканоническое маркирование по определению предполагает, что система наименее ограничена и допускает неканоническое маркирование, грамматически не привязанное к каким-либо синтаксическим отношениям.

Как кажется, явления, расположенные правее на предлагаемой шкале более характерны для эргативных систем, поскольку эти системы вообще с большей легкостью допускают неканоническое маркирование субъекта. Заметим, впрочем, что речь при этом идет в первую очередь об агенсе переходной предикации (ср. Malchukov 2006). Это хорошо показывают приведенные выше данные языков, где неканоническое оформление субъекта в модальных конструкциях касается только переходных предикаций. Такая «выделенность» агенса может получить два объяснения. Во-первых, эргатив мог бы пониматься как падеж, указывающий на высокую агентивность субъекта – и тогда использование неканонического маркирования свидетельствовало бы о пониженной агентивности (ср. Hewitt 2008). Однако в большей части рассмотренных нами языков эргатив не обязательно сообщает об агентивности, поскольку он же может использоваться и для неодушевленных каузаторов события, в частности, для выражения роли инструмента. Во-вторых, дело может быть в том, что эргативные системы вообще в меньшей степени оперируют семантическим отношением «субъект ситуации», предпочитая его во многих случаях наиболее затронутому участнику. В результате этого выражение агенса в таких системах имеет меньшую значимость для грамматики и, как следствие, позволяет большую свободу.

В заключение укажем на ряд аспектов, которые мы сознательно обходили стороной в данном исследовании, но которые, безусловно, требуют особого рассмотрения:

(i) каков синтаксический статус неканонически маркированного субъекта ситуации, в какой степени он становится периферийным;

(ii) какие падежи и грамматические отношения могут быть задействованы при неканоническом оформлении субъекта (например, выше отмечалось, что нередко в модальных конструкциях используется кодирование роли, которое появляется и при выражении ненамеренного агенса, хотя в багвалинском языке наряду с таким неканоническим маркированием имеется и другое);

(iii) как коррелируют модальные значения с теми или иными способами неканонического оформления субъекта (в частности, некоторые факты указывают на то, что неканоническое маркирование субъекта особенно часто наблюдается при выражении деонтической модальности);

(iv) какие актаны помимо субъекта ситуации могут получать неканоническое оформление в модальных конструкциях (так, существуют языки, где аналогично маркироваться могут и пациенсы при переходных глаголах; с другой стороны, порою по-особому ведут

себя в данном отношении экспериенциеры, «изначально» имеющие неканоническое маркирование);

(v) насколько явления, которые мы обсуждали, свойственны другим языкам Кавказа (например, известно, что весьма сходные явления наблюдаются в картвельских языках).

(vi) как происходит диахроническое развитие неканонического маркирования субъекта; насколько предложенная нами шкала неканонического маркирования субъекта ситуации применима к диахроническому развитию неканонического маркирования субъекта

Условные обозначения в глоссах

A – агенс; ATR – атрибутив; ABL – аблатив; ABS – абсолютив (падеж/роль); ACC – аккумулятив; AD – показатель Ad ('рядом, соположенно'); AFF – аффектив; ALL – аллатив; AUX – вспомогательный морфологический элемент; BEN – бенефактив; CAUS – каузатив; COM – комитатив; CONJ – конъюнктив; CONV – деепричастие; DAT – датив; DIR – директив; DYN – динамичность; EL – элатив; EMPH – эмфатическое местоимение; ERG – эргатив; ESS – эссив; EXST – экзистенциальная связка; FIN – финитность; FUT – будущее время; FUTP – будущее вероятное время; GEN – генитив; GENER – генерическое настоящее время; H – класс(ы) человека; HBL – хабилитив ('уметь'); IA – падеж ненамеренного агенса; INF – инфинитив; IO – непрямой объект; LAT – латив; M – мужской класс/род; N – средний класс/род; NEG – отрицание; NOM – номинатив; O – косвенная основа; OBL – косвенный падеж (= адыгский «эргатив»); OBLG – облигатив; OPV – косвенный преверб; PL – множественное число; POSS – посессив; POT – потенциалис; PRET – претерит; PRS – настоящее время; PRV – преверб; PST – прошедшее время; Q – показатель вопроса; SEQ – «секвенциальное» деепричастие (со значением последовательности действий); SG – единственное число; SUPER – показатель Super ('на'); TRANS – транслатив. Арабские цифры указывают на лица, римские цифры указывают на номера классов.

Литература

- Абаев В.И. 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Москва – Ленинград.
- Ганенков Д.С. 2005. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели. Канд. дисс. Москва, МГУ.
- Ганенков Д.С., Майсак Т.А., Мерданова С.Р. 2006. Пространственные и непространственные значения локализации APUD «возле ориентира» в агульском языке // Алексеев М.Е. (ред.) Гора языков... и еще один: К 100-летию Евгения Алексеевича Бокарева. Москва. С. 27–61.
- Гишев Н.Т. 1989. Глагол адыгейского языка. Москва.
- Даниэль М.А. 2001a. Падеж и локализация // Кибрик А. Е. (ред.) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. Москва. С. 203–230.
- Даниэль М.А. 2001b. Предикатно-аргументное ядро // Кибрик А. Е. (ред.) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. Москва. С. 369–376.
- Имнайшвили Д.С. 1977. К образованию переходности и потенциалиса в отыменных глаголах нахских языков // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания IV. С. 180–187.
- Кибрик А.Е. 2000. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: Свидетельства арчинского языка // Вопросы языкознания, № 5, 2000. С. 32–67..
- Кибрик А.Е. 2003. Константы и переменные языка. Санкт-Петербург.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. 1972. Фрагменты грамматики хиналугского языка. Москва.
- Климов Г.А. (ред.) 1978. Структурные общности кавказских языков. Москва.
- Кумахов М.А. 1964. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. I. Нальчик.

- Ландер Ю.А. 2009. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Я.Г. Тестелец и др. (ред.) *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. Москва.
- Ломтатидзе К.В. 1955. Категория потенциалиса и произвольности в абхазско-абазинском глаголе // *Сообщения АН ГССР*, т. XVI, №3, 1955.
- Ломтатидзе К.В. 1976. Категория потенциалиса (возможности) в картвельских и абхазо-адыгских языках // *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания III*. С. 101–114.
- Лютикова Е.А., Бонч-Осмоловская А.А. 1999. Актантные предложения // Кибрик А.Е., Тестелец Я.Г. (ред.) *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. Москва. С. 481–537.
- Майсак Т.А. 2005. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва.
- Маллаева З.М. Наст. сб. Зависимость падежного оформления именных членов от семантики предложения в дагестанских языках.
- Рогавя Г.В., Керашева З.И. 1966. Грамматика адыгейского языка. Майкоп – Краснодар.
- Чкадуа Л.П. 2005. Глагольное словообразование в абхазском языке. Сухум.
- Шагиров А.К. 1977. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. А–Н. Москва.
- Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W., Onishi M. (eds) 2001. *Non-canonical marking of subjects and objects*. Amsterdam/Philadelphia.
- Alekseev M.E., Radzabov R.N. 2004. Tsez // Job M. (ed.) *The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 3: The North East Caucasian Languages. Part 1*. Ann Arbor.
- Authier, G. 2009. *Grammaire kryz (Langue caucasique d'Azerbaïdjan, dialecte d'Alik)*. Leuven–Paris.
- Bhaskararao P., Subbarao K.V. (eds) 2004. *Non-nominative Subjects. 2 vols*. Amsterdam/Philadelphia.
- Blake B. 2001. *Case*. 2nd edition. Cambridge.
- Butt M., King T.H., Varghese A. 2004. A Computational Treatment of Differential Case Marking in Malayalam // *Proceedings of the International Conference on Natural Language Processing 2004*.
- Chirikba V. 2008. The problem of the Caucasian Sprachbund // Muysken P. (ed.) *From Linguistic Areas to Areal Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia. P. 25–93.
- Comrie B. 2004. Oblique-case subjects in Tsez // Bhaskararao, Subbarao (eds) 2004. P. 113–127.
- Comrie B., van den Berg H.E. 2006. Experiencer constructions in Daghestanian languages // Bornkessel I. et al. (eds) *Semantic Role Universals and Argument Linking: Theoretical, Typological, and Psycholinguistic Perspectives*. Berlin–New York. P. 127–154.
- Cysouw M., Forker D. 2009. Reconstruction of morphosyntactic function: Nonspatial usage of spatial case marking in Tsezic // *Language*. Vol. 85. P. 588–617.
- de Hoop H., de Swart P. (eds) 2008. *Differential Subject Marking*. Dordrecht.
- de Hoop H., Narasimhan B. 2008. Ergative case-marking in Hindi // de Hoop, de Swart (eds) 2008. P. 63–78.
- Dixon R.M.W. 1979. Ergativity // *Language*. Vol. 55. P. 59–138.
- Dowty, D. 1991. Thematic Proto-Roles and Argument Selection // *Language*. Vol. 67. P. 547–619.
- Ganenkova D. 2006. Experiencer coding in Nakh-Daghestanian // Kulikov L. et al. (eds) *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia. P. 179–202.
- Ganenkova D., Maisak T., Merdanova S. 2008. Non-canonical agent marking in Agul // de Hoop, de Swart (eds) 2008. P. 173–178.
- Haspelmath, M. 2008. Terminology of case // Malchukov A., Spencer A. (eds) *The Oxford Handbook of Case*. Oxford. P. 505–517.

- Hewitt G. 2008. Cases, arguments, verbs in Abkhaz, Georgian and Mingrelian // Corbett G.G., Noonan M. (eds) *Case and Grammatical Relations: Studies in Honor of Bernard Comrie*. Amsterdam/Philadelphia. P. 75–104.
- Hopper P.J., Thompson S.A. 1980. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. Vol. 56. P. 251–299.
- Kibrik A.E. 1987. Constructions with clause actants in Daghestanian languages // Dixon R.M.W. (ed.) *Studies in ergativity*. *Lingua*. Vol. 71. P. 133–178.
- Kibrik A.E. 1994. Khinalug // Smeets R. (ed.) *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 4: North East Caucasian Languages. Part 2. Delmar (N.Y.). P. 367–406.
- Klamer M. 2008. Differential marking of intransitive subjects in Kambara (Austronesian) // de Hoop, de Swart (eds) 2008. P. 281–299.
- Lander Yu. 2002. Review of: Wischer, I. & G. Diewald, eds., *New Reflections on Grammaticalization* // *LINGUIST List* 13.2236. [<http://linguistlist.org/issues/13/13-2236.html>]
- Lehmann C. 2002. New reflections on grammaticalization and lexicalization // Wischer I., Diewald G. (eds) *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam/Philadelphia. P. 1–18.
- Malchukov A. 2006. Transitivity parameters and transitivity alternations: Constraining covariation // Kulikov L. et al. (eds) *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia. P. 329–357.
- Næss Å. 2007. *Prototypical Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia.
- Nichols J. 2008. Case in Ingush syntax // Corbett G.G., Noonan M. (eds) *Case and Grammatical Relations: Studies in Honor of Bernard Comrie*. Amsterdam/Philadelphia. P. 57–74.
- Onishi M. 2001. Introduction. Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and Properties // Aikhenvald et al. (eds) 2001. P. 1–51.
- Pareulidze R. 2008. *Čečnuri zmna*. Tbilisi.
- Spruit A. 1986. *Abkhaz Studies*. Ph.D. diss., Leiden Univ.
- Tsunoda T. 1981. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood. // *Linguistics*. Vol. 19. P. 389–438.
- Tsunoda T. 1985. Remarks on transitivity // *Journal of Linguistics*. Vol. 21. P. 385–396.
- Tsunoda T. 1999. Transitivity and intransitivity // *Journal of Asian and African Studies*. No. 57. P. 1–9.

Yury Lander, Arseny Vydrin

Non-canonical subject marking in languages of the North Caucasus: modal constructions

In this paper, we explore the phenomenon of non-canonical subject marking in modal constructions of languages of the North Caucasus which belong to the three families: Northwest Caucasian (Abkhaz-Adyghe), Northeast Caucasian (Nakh-Daghestanian) and Indo-European (Ossetic).

The term ‘subject’ is mainly understood here semantically, typically it refers to the most agentive and the most topical participant. Somewhat simplifying the actual situation, it can be said that with monovalent (one-place) predicates, subject canonically should have nominative coding in accusative languages and absolutive coding in ergative languages, while with polyvalent predicates, subject is normally encoded as the nominative argument in accusative languages and as the ergative argument in ergative languages. All other kinds of marking of subject (including, for example, those observed in passive constructions in accusative systems, constructions with multivalent intransitive predicates in ergative systems, etc.) are considered non-canonical.

Three types of non-canonical marking can be distinguished, namely:

— lexically-motivated non-canonical marking, which is tied to particular verbal lexemes,

Ossetic

dæwæn æmbæl-ə a-sæw-ən
you(SG).DAT should.PRS-PRS.3SG PRV-go.PRS-INF
'You should go away.' (example 13)

Chechen

suna v-axa meg-a
I.DAT I-go.INF can-PRS
'I can (am permitted to) go.' (example 17)

— derivational non-canonical marking, which is motivated by the use of particular grammatical forms or complex analytical constructions,

Chechen

süöga d-a-lwo
I.ALL III-do-POT
'I am able to do (this).' (example 35)

Kryz (Authier 2009: 309)

va-var za šimbi ula-z ša-ba-da-b
you-AD.EL I.GEN brothers eat-INF be-H.PL-NEG.FUTP-H.PL
'You will not be able to eat my brothers!' (example 32)

— non-derivational non-canonical marking, which is not grammatically motivated by any other elements of the clause.

Adyghe

[Ø-fe]-tə-š't-ep
3SG.IO-BEN-give-FUT-NEG
'He will not be able to give (this).' (example 44)
(Cp. with ə-tə-š't-ep [3SG.A-give-FUT-NEG] 'He will not give (this).')

Hinuq (Diana Forker, field notes)

hadze-qo hago uži aši-yo gom
they.O-POSS.ESS this boy find-PRS be.NEG
'They cannot find this boy.' (example 49)

As is seen, all of these types are found in modal constructions of the languages of the North Caucasus.

Lexically-motivated non-canonical marking is actively used in Ossetic, but in other languages of the North Caucasus it virtually plays a less important role (thus, for example, many Lezgian languages lack a genuine verb denoting possibility and hence cannot display this kind of non-canonical marking in the relevant constructions). Moreover, in many Northeast Caucasian languages lexically-motivated non-canonical marking instantiates a general tendency of non-canonical marking of less agentive subjects usually associated with experiencers, although in some languages (e.g., in Tsakhur, Lak, Hinuq), modal subjects show a distinct pattern of marking.

Derivational non-canonical marking is quite widespread in the Caucasus. It is especially prominent in Northeast Caucasian languages, where it can be yielded by both synthetic modal constructions (primarily with the morphological potentialis category) and non-compositional analytic modal constructions (employing verbs like 'be', 'become' etc.). Besides ergative North-

east Caucasian languages, derivational non-canonical marking is found in Ossetic where it is used in the cases of expressions of external possibility and obligation.

Non-derivational non-canonical marking, which involves the change of the syntactic role of the agent without any other marking of the modal semantics, is observed in the Northwest Caucasian family (in particular, in Adyghe and Kabardian), but also marginally in some Tsezic languages belonging to the Northeast Caucasian family. But in Abkhaz and Abaza (Northwest Caucasian) only traces of non-derivational non-canonical marking are found: in fact, these languages demonstrate how derivational non-canonical marking may evolve from non-derivational one.

Interestingly, in several languages throughout the Caucasus – e.g., in Chechen, Tsez, Hinuq and Khinalug (Northeast Caucasian) and in Adyghe and Kabardian (Northwest Caucasian) – we observe effects of ergativity in the domain of non-canonical subject marking: in particular, such marking appears with transitive subjects but not with intransitive ones. Basing on this fact as well as on general facts concerning the distribution of various kinds of non-canonical subject marking, we hypothesize that ergativity may correlate with the range of types of the phenomena that is found in a given language. Thus we propose the scale LEXICALLY-MOTIVATED MARKING \leftrightarrow DERIVATIONAL MARKING \leftrightarrow NON-DERIVATIONAL MARKING and suggest that accusative languages prefer non-canonical marking which is closer to the left end of the scale, while ergative languages prefer non-canonical marking which is closer to the right end of the scale.

Юрий Ландер, Арсений Выдрин

Неканоническое маркирование субъекта ситуации в языках Северного Кавказа: модальные конструкции

Мы рассматриваем неканоническое маркирование субъекта на материале модальных конструкций языков Северного Кавказа — абхазо-адыгских, наско-дагестанских и осетинского (иранская группа индоевропейской семьи).

Термин *субъект* понимается в этой статье семантически: мы имеем в виду обозначение участника ситуации, которое в обычном случае имеет больше всего свойств агенса и темы высказывания. В аккузативных системах при каноническом маркировании субъект находится в номинативе (именительном падеже) независимо от того, сколько актантов у предиката. В эргативных системах при каноническом маркировании субъект может ассоциироваться с разными падежами — с абсолютным падежом (падежом подлежащего при непереходных глаголах и пациенса при переходных глаголах) и с эргативным падежом: субъект находится в абсолютном падеже при предикатах с одним актантом и в эргативном падеже при предикатах с двумя актантами. Прочие варианты маркирования субъекта мы считаем неканоническими. Аналогично неканоническое маркирование субъекта можно определить в системах, где используется не падежи, а предлоги / послелого и личные показатели в предикате.

Мы противопоставляем три типа неканонического маркирования:

— Лексический тип. Неканоническое маркирование связано с конкретной лексемой-предикатом. Например, в осетинском предложении *wætæn æmbæł-ə ba-sæw-ən?* ‘Ему (дательный падеж) можно войти?’ субъект находится в дательном падеже благодаря глаголу *æmbæł-ə* ‘можно’.

— Деривационный тип. Неканоническое маркирование связано с некоторой грамматической формой или аналитической конструкцией. Например, в чеченском языке субъект при глаголе в форме потенциалиса стоит в аллативном падеже: *süöga dalwo* ‘Я (аллативный падеж) могу-делать (форма потенциалиса)’.

— Недеривационный тип. Неканоническое маркирование не связано с другими элементами конструкции. Например, в адыгейской глагольной форме *fetəš'tep* ‘Он не может это дать’ субъект представлен как непрямой объект при так называемой объектной версии. Модальное значение ‘мочь’ в этой форме появляется только благодаря такому маркирова-

нию субъекта, прочие модальные показатели в этой форме отсутствуют. В гинухском языке в предложении *hadze-ɣo hago uʒi aʃi-yo gom* 'Они (посс-эссивный падеж) не могут найти этого мальчика' модальное значение появляется только благодаря особому падежу на субъекте, нигде больше в предложении оно не маркируется.

Ряд языков (чеченский, цезский, гинухский, хиналугский, адыгейский, кабардино-черкесский) демонстрируют связь между неканоническим маркированием субъекта и эргативностью: неканоническое маркирование в модальных конструкциях возможно только для субъектов переходных глаголов. В качестве гипотезы мы предлагаем, что эргативность может коррелировать с типом неканонического маркирования: если постулировать шкалу ЛЕКСИЧЕСКИЙ ТИП \leftrightarrow ДЕРИВАЦИОННЫЙ ТИП \leftrightarrow НЕДЕРИВАЦИОННЫЙ ТИП, неканоническое маркирование, располагающееся левее, более типично для аккузативных систем, в то время как неканоническое маркирование, располагающееся правее, более типично для эргативных систем.